

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.7>

UDC 947-054.65(470.45)
LBC 63.3(2)622.7

Submitted: 31.08.2017
Accepted: 21.11.2017

**THE ATTITUDE TO WAR PRISONERS IN THE USSR
IN THE INITIAL PERIOD OF CAPTIVITY
(ON THE MATERIALS OF STALINGRAD AND THE STALINGRAD REGION)**

Vladimir G. Polyakov

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Marina P. Nazarova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy P. Vorobyev

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the attitude of soldiers and officers of the Red Army, local population and authorities to the prisoners of war in Stalingrad. The historical sources verified by V.G. Polyakov are represented by the official documents from the Archive of Federal Security Service of Russia in the Volgograd region, memories of the Soviet and German parties involved in the events. These materials allow assessing the condition of war prisoners of Stalingrad in military camps. After the victory in the battle on the Volga tens of thousands of enemy soldiers of different nationalities were captured: Germans, Romanians, Italians and Poles. Their survival depended not only on the policy of the Soviet Command, but also on the specific actions of servants at distribution points and camps. The methodology proposed by M.P. Nazarova made it possible to determine the complex causes of high mortality of war prisoners at the initial stage of their captivity: grave malnutrition and diseases, cruel treatment, lack of food and water, difficulties of reception, transportation, accommodation and medical care. Stalingrad was heavily damaged, and there was a lack of resources for the organization of military camps. The sources of personal origin, reviewed by E.P. Vorobyev, reveal the change for the better attitude of both camp administration and residents to former soldiers and officers of the Wehrmacht. The compassion and help let many war prisoners survive. Many years later they retained vivid memories of the most tragic period in their life. Today the study of the fate of war prisoners in Stalingrad and in the Stalingrad region is an important aspect of preserving the historical memory about the events of World War II both in Russia and abroad.

Key words: World War II, Stalingrad, prisoners of war, military camps, oral history, historical memory.

Citation. Polyakov V.G., Nazarova M.P., Vorobyev E.P. The Attitude to War Prisoners in the USSR in the Initial Period of Captivity (on the Materials of Stalingrad and the Stalingrad Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 67-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.7>

УДК 947-054.65(470.45)
ББК 63.3(2)622.7

Дата поступления статьи: 31.08.2017
Дата принятия статьи: 21.11.2017

**ОТНОШЕНИЕ К ВОЕННОПЛЕННЫМ В СССР
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЛЕНА
(НА МАТЕРИАЛАХ г. СТАЛИНГРАДА И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Владимир Геннадьевич Поляков

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Марина Петровна Назарова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Петрович Воробьев

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ отношения к военнопленным в Сталинграде со стороны солдат и офицеров Красной Армии, местного населения и представителей органов власти. Верифицированные В.Г. Поляковым исторические источники – официальные документы из Архива УФСБ России по Волгоградской области, воспоминания участников событий с советской и немецкой стороны позволяют оценить положение военнопленных в сталинградских лагерях. После победы в битве на Волге в плен попали десятки тысяч военнослужащих противника: немцев, румын, итальянцев, поляков. Их выживание зависело не только от политики советского руководства, но и от конкретных действий сотрудников в распределительных пунктах и лагерях. Предложенная М.П. Назаровой методология дала возможность определить сложный комплекс причин высокой смертности военнопленных на начальном этапе пребывания в плену: сильное истощение и болезни, жестокость обращения, проблемы с питанием и водой, трудности приема, перевозки, размещения и оказания медицинской помощи. Сталинград был сильно разрушен, и ресурсов для организации работы лагерей не хватало. Источники личного происхождения, рассмотренные Е.П. Воробьевым, показывают изменение в лучшую сторону отношения к бывшим солдатам и офицерам вермахта как лагерной администрации, так и жителей. Сочувствие и помощь позволили выжить многим военнопленным, которые спустя долгие годы сохранили яркие воспоминания о наиболее трагичном периоде в своей жизни. В настоящее время исследование судьбы военнопленных в Сталинграде и области является важным аспектом в деле сохранения исторической памяти о событиях Второй мировой войны как в России, так и за рубежом.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Сталинград, военнопленные, лагеря для военнопленных, устная история, историческая память.

Цитирование. Поляков В. Г., Назарова М. П., Воробьев Е. П. Отношение к военнопленным в СССР в начальный период плена (на материалах г. Сталинграда и Сталинградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 67–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.1.7>

XX в. в истории Российского государства ознаменовался двумя волнами глобальных социокультурных трансформаций, сопряженных с коренными ломками политических и экономических структур. Революционные потрясения начала XX в. и масштабные изменения в конце столетия привели к разрушению связи времен и поколений, к переоценкам всей системы общественных ценностей и морально-нравственных ориентиров.

В системе государственных приоритетов на первый план выдвигаются проблемы национальной самоидентификации, что обуславливает обращение к историческому наследию. На наш взгляд, самоидентификация каждого индивида невозможна без переосмысления прошлого, но любые исторические реконструкции являются лишь оценками, чаще всего окрашенными эмоционально. Можно даже назвать психологическим симптомом то, что именно уважение к прошлому заставляет реконструировать его таким, каким оно должно

быть по нашему мнению. Одним из способов преодоления субъективизма в изложении исторических событий могло бы стать обращение к методам «устной истории», истории повседневности и микроистории.

В традиции советской историографии термин «микроистория» имел негативный подтекст – история, занимающаяся пустяками. Микроистория же открывает новые темы и сюжеты, «малые жизненные миры», в центре которых стоит конкретный человек.

Зародившись в Западной Европе, к началу XXI в. это научное направление получило распространение и в России, преодолевая давление идеологических установок, где господствовала макроистория, воссоздававшая полотно политической и экономической истории страны, в грандиозных масштабах которых отдельный человек с его переживаниями, чувствами и мыслями напрочь отсутствовал. В настоящий момент в мировой исторической науке под сомнение была поставлена

достоверность макроисторического подхода к историческим явлениям, который до сих пор практически не оспаривался [26, с. 112–113].

«История повседневности», изучающая быт, труд, отдых, и «микроистория» – понятия в современной историографии близкие по значению [22, с. 130]. В советское время уделялось мало внимания истории повседневности, но в последние годы ситуация стала меняться: в среде отечественных исследователей произошло осознание того, что историческая повседневность позволяет человеку приблизиться к прошлому, вжиться в него, прочувствовать свое прошлое [23].

Основной методологический подход к решению поставленных задач в представленной статье заключается в сочетании методов устной истории с концепциями исторической памяти, разработанными в рамках традициологии, исторической и культурной антропологии. В связи с изменением подходов и направлений исследований выросло внимание к источникам личного происхождения. Но данные источники демонстрируют не только уникальные истории, но и позволяют обнаружить, «что было свойственно культуре большинства» [30, с. 102]. Вплоть до недавнего времени такие источники практически не откладывались в архивах, по крайней мере в виде специальных документальных фондов и коллекций.

Осенью 2015 г. наш коллега 1941 г. р., уроженец пос. Воропоново Сталинградской области, передал нам найденный им в детстве советский котелок. На нем была выцарапана надпись «E. Engel. Kriegsgefangenenlaz. VI. Stalingrad», что переводится как «Э. Энгель. Лагерь для военнопленных 6. Сталинград». С этой находки началось историческое исследование, посвященное положению военнопленных на территории Сталинграда и области.

Первый лагерь-распределитель для военнопленных появился на сталинградском направлении в июле 1942 года. До начала контрнаступления Красной Армии лагерь был почти пустым. В связи с окружением немецко-фашистских войск в районе Сталинграда оказались тысячи военнопленных, что вызвало расширение фронтовой сети приемных пунктов. В начале 1943 г. в Сталинградской и Ростовской областях действовало 14 таких пунктов. Прием бывших солдат противника стали

осуществлять лагеря № 60 в г. Астрахань, № 98 в пос. Капустин Яр, № 50 в г. Фролово, № 123 в г. Урюпинск.

3 февраля 1943 г. в Сталинграде начинает работать Бекетовский лагерь № 108. Прибывающий контингент располагался в частично разрушенных помещениях, плохо приспособленных к жилью.

Советское руководство принимало меры по организации питания военнопленных, по оказанию им медицинской помощи. Однако число пленных росло быстрее, чем создавались условия для их приема и размещения. Физическое состояние солдат вермахта быстро ухудшалось, резко увеличилась смертность [31, с. 82].

Советские исследователи проанализировали правительственную политику в отношении военнопленных, условия их жизни и трудовой деятельности [3; 29; 34]. В Волгограде сложилась научная школа по изучению экономической истории России XX в., важным направлением которой стала разработка проблем трудового использования военнопленных в СССР в 1943–1956 годах. Под руководством проф. М.М. Загорулько изданы документы и материалы по этой тематике, проведены научные мероприятия с участием отечественных и зарубежных специалистов.

Однако отношение к побежденным со стороны местного населения, солдат и офицеров Красной Армии, представителей органов власти не получило достаточного рассмотрения в исторической науке. Вместе с тем именно этот фактор, на наш взгляд, являлся одним из главных обстоятельств, определявших выживание военнопленных.

Важным источником настоящего исследования служат документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., сотрудники которой провели беседы с участниками битвы на Волге. Записанные во время войны сведения точнее передают ситуацию в Сталинграде, чем тщательно отредактированные воспоминания, изданные в послевоенный период.

Особый интерес представляют собой высказывания о военнопленных генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова. 5 января 1943 г. командующий 62-й армией отмечал: «Когда бойцы стали брать в плен, правда, пленных колотили и расстреливали, но ничего не поделаешь, не

остановишь. Бывало, что отлупят, потом говорят: “На, закури”. Как-то якшались – ни в коем случае. Зверски были настроены» [32, с. 288].

На жестокое отношение к военнопленным указывал командир 112-го полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии В.А. Лещинин: «В плен брали мало. Тут немцам здорово досталось. Когда в последнее время брали пленных, они заявляли, что к нам в плен боятся идти. Мы знаем, тут сталинские партизаны, и мы знаем, что если попадешься к ним, то нас в живых не станет» [32, с. 400].

Расстрелы и избиения военнопленных были обусловлены боевой обстановкой. Советские солдаты видели перед собой вчерашнего врага, который вел по ним огонь, ранил и убивал товарищей, и нередко нарушали приказы командования о сохранении жизни военнопленным.

В 2000 г. начал работу интернет-сайт «Я помню», на котором собираются свидетельства участников Великой Отечественной войны. Среди воспоминаний есть сведения о положении военнопленных в Сталинграде. Так, командир танка И.М. Ямпольский описал ситуацию в центре города в начале февраля 1943 г.: «Ужасная картина: все подвалы были забиты немецкими ранеными солдатами и офицерами, умирающими от ран, голода и холода. Тяжело было смотреть на их мучения, но после того, что мы испытали в осенних боях, жалости к немцам никто не испытывал. Наши медработники не успевали оказывать немцам помощь. Был приказ: пленных не убивать, но некоторые из нас бродили среди рядов раненых, выискивая эсэсовцев. Этих пристреливали на месте, определяя принадлежность к СС по обмундированию. Поразила еще одна вещь: чуть ли не каждый десятый в немецкой форме был из бывших солдат Красной Армии, с ними тоже не церемонились. Ожесточение людей было предельным» [19].

Воспоминания командира минометной батареи Е.Ф. Окишева рисуют противоречивую картину отношения к пленным. С одной стороны, он приводит случаи уничтожения своими подчиненными госпиталя с ранеными врагами и расстрела штабным офицером власовцев. С другой стороны, ветеран заявляет, что «ненависть к немцам на пленных вообще не переносилась» [11].

К частям, сдававшимся в плен без сопротивления, относились без излишней жестокости. Командир роты 143-й отдельной стрелковой бригады Л.Н. Ройтенбурд отмечал: «...наша разведрота во время наступления захватила в плен полевой госпиталь, в нем лежало человек 60 или 70, точно не знаю, кто их считал. Но это были не вояки, еще сто метров до них было, когда они заорали во все горло: “Гитлер капут!” Мы захватили тяжелораненых, легкораненые ушли, они остались лежать и с испугом ждали нашего появления. Продуктов, как мне доложил старший врач, оставалось на два дня. Так что я приказал своим матросам ни грамма не трогать, да никто и не тронул, а пленным ждать велел, пока основные наши части не подойдут» [13].

Сдавшимся в плен солдатам противника часто не требовалась даже охрана, так как они были ослаблены холодной зимой и нехваткой продовольствия. Боец 21-го отдельного лыжного истребительного батальона 21-й армии И.Ф. Пимкин на вопрос о пленных ответил: «Я их по сути, дальше там и не видел, а вот тут в Сталинграде они пачками шли, и никто их никуда не сопровождал. – “Пан, Пан? Плен?” – “Идите, плен”. Махнешь вот так, – “Идите вот сюда на Гумрак!” И они сами идут» [12].

Большинство военнопленных вели себя сдержанно, что в значительной степени определялось их страхом перед дальнейшей судьбой. Зная о зверствах нацистского режима на оккупированной территории СССР, бывшие солдаты и офицеры вермахта мало надеялись на сохранение своих жизней.

Гвардии капитан 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии Н.Н. Аксенов так описывал поведение немцев: «Всего за время боев в Сталинграде мы взяли 1554 пленных. После взятия завода “Баррикады” в конце дня пришлось допрашивать офицеров. Помню, завели ко мне в блиндаж заместителя начальника немецкого штаба 113 дивизии, майора. Взяли в плен заместителя начальника штаба по тылу и коменданта дивизии. Пленные вели себя очень гибко, лояльно. Когда мы их допрашивали, они не сразу припоминали, ошибались, но другие наперебой их исправляли, рассказывали как бы искренне и стараясь показать свою искренность» [32, с. 327].

Артиллерист 59-го артполка 33-й стрелковой дивизии В.Ф. Афанасьев также указывает на снижение боевого духа вражеских войск после Сталинградской Победы. В частности, он отмечал, что «пленные, которые встречались раньше, до Сталинграда, были нахальные, самоуверенные, что они победят. Когда попадали, они чуть не заявляли: Сталин капут! Настолько были морально уверены, что быстро победят. После Сталинграда уже они стали другими. Кстати, там были не только немцы, но и итальянцы, румыны. Они выглядели в зимнее время довольно бледно, если не острее сказать» [5].

Плохое состояние военнопленных отмечено во многих источниках. Сильное истощение, отсутствие теплой одежды делали жалким вид когда-то лучших солдат вермахта.

Командир взвода противотанковых пушек П.П. Третьяков вспоминал: «2 февраля мы вошли на завод “Баррикады”, там ничего цельного не осталось. Немцы пленные кругом ходят: “Рус, хлеба”. Кто матом их посылал, кто и давал хлеб» [15].

Шофер фронтовой «трехтонки» В.М. Бурцев отмечал, что особенно сказались на состоянии военнопленных морозы, доходившие до -40 градусов. Он подчеркивал: «Я сам в этом убедился, когда воочию наблюдал за тем, как от местечка Гумрака до станции Панышино, а это 40 километров, шли по четверо большой колонной военнопленные немцы. Они были одеты в легкие шинельки, поэтому замерзали, некоторые из них падали. На станции им давали хлеб на отделение. Так они мерзлыми губами его ели» [6].

После размещения в лагерях труд военнопленных стали использовать для выполнения необходимых задач в условиях военного времени. Они производили обустройство мест содержания, расчистку завалов, захоронение тел погибших, ремонтные, погрузочно-разгрузочные, строительные, сельскохозяйственные работы и другие действия, требовавшие значительных физических усилий.

Разведчик дивизиона «Катюш», приданного 4-му мехкорпусу М.П. Серебряков вспоминал: «В Красноармейске были пленные немцы. Их водили в Чепурники, туда подходили поезда, разгружали вагоны» [14].

И.Ф. Пимкин рассказывал, что «немецкие пленные стягивали трупы и в котлованы по 300–400 человек закапывали» [12].

Радистка Е.Г. Евсигнеева выразила свои чувства к военнопленным: «Когда я уже ехала через Сталинград после демобилизации, я видела, как они строили дома. Была бы моя воля, то разорвала бы их, у меня же отчима во дворе убил немец 27 декабря 1942 года...» [9].

Однако после окончания битвы на Волге отношение к военнопленным изменилось в лучшую сторону. Исчезло ожесточение боевых действий, пришло осознание необходимости рационального использования трудовых ресурсов. Участники войны начинают все четче разделять врага и пленного врага. Например, командир взвода разведки гаубичного полка 80-й дивизии 21-й армии И.Д. Чернуха так ответил на вопрос об отношении к немцам: «Если бы пришлось в войну, так я бы прямо в лоб стрелял, даже не разговаривал. Не терпел бы их!» [17]. Военнопленные в тылу вызывали у И.Д. Чернухи сочувствие: «Я в первый отпуск приехал в Сталинград за женой, а на Рабоче-Крестьянской моя тетка жила, и я приехал к ней. А у нее два немецких солдата, тут же ничего не осталось – кругом разруха. Они возьмут два ведра и принесут с Волги воды. Она их за это покормит, по кусочку хлеба даст... Они такие довольные, радостные. Думаю: “Ну вот тебе и пожалуйста! Вот тебе и немцы – враги наши”» [17].

Для получения объективных результатов исследования нами были также использованы свидетельства военнопленных, находившихся в Сталинграде. Воспоминания немецких участников войны даже спустя много лет передают ужас и шок от произошедших событий.

Казначей санитарной службы О. Рюле описывает свое нахождение в плену: «Повсюду на нашем пути мы видели русских жителей. Были случаи, когда они выкрикивали в наш адрес гневные слова. Этому я нисколько не удивлялся. Меня удивляло другое: когда кто-нибудь из таких разгневанных слишком близко подходил к нашей колонне, сопровождавшие нас советские солдаты стреляли в воздух.

31 января 1943 года толпа шатающихся пленников добрела до первого на своем пути

лагеря для военнопленных. Он находился в двадцати километрах южнее центра Сталинграда, в городе Красноармейске...

Жили мы там в тесноте, кормили нас довольно скудно, но гораздо лучше, чем в декабре во время окружения. На день каждый получал четыреста граммов хлеба, кусок селедки, котелок супу и котелок чаю.

Советское командование очень быстро организовало медицинское обслуживание военнопленных. Однако число пленных в лагерях росло неимоверно быстро. Русские женщины-врачи едва успевали обходить бараки, осматривая больных.

В помещении в пятнадцать квадратных метров на трехъярусных нарах лежали человек двадцать. Многие пленные хотя еще и не заболели, однако были настолько слабы, что поднимались только за пищей или же по нужде» [28, с. 164–165].

Главными сюжетами в воспоминаниях бывших военнопленных являются механизмы выживания в условиях холода, болезней, нехватки воды и продуктов питания.

Солдат вермахта Э. Бухард (1919 г. р.) вспоминает начальный период плена: «Первое, что спросили русские солдаты было “Uri est? Uri est?” (Uhr – часы) У меня были карманные часы, и русский солдат дал мне за них буханку немецкого солдатского черного хлеба... Это ли не встреча с Человеком?! На марше в Бекетовку мы разделили этот хлеб и сало с товарищами...» [7].

Бухард подчеркивал, что советские люди по-разному относились к военнопленным и от этого зависело выживание в плену. Он рассказывал: «Первые полгода плена были адом, который был хуже, чем в котле. Тогда умерли очень многие из 100 тысяч сталинградских пленных. 31-го января, в первый день плена, мы прошли из южного Сталинграда в Бекетовку. Там собрали около 30 тысяч пленных. Там нас погрузили в товарные вагоны, по сто человек в вагон. На правой стороне вагона были нары, на 50 человек, в центре вагона была дыра вместо туалета, слева тоже были нары. Нас везли 23 дня, с 9-го февраля до 2-го апреля. Из вагона нас вышло шестеро. Остальные умерли» [7].

Подробное описание условий своего плена оставил стрелок-радист сбитого немецко-

го самолета К. Фритцше [33], содержащийся в Бекетовском лагере № 108. Его поразило уменьшение питания по сравнению с лагерным участком в пос. Табола в дельте Волги. Утром выдавался хлеб, в обед суп, ужин состоял из куска соленой рыбы размером с большой палец и кружки горячей воды.

К. Фритцше приводит способы, с помощью которых пытались выжить военнопленные. Во-первых, они мастерили разный «ширпотреб» и прятали вещи умерших для обмена на хлеб и сало. Во-вторых, пытались устроиться работать на сложном производстве, например, на ремонте танков, где выдавалась повышенная порция хлеба – 1000 г. В-третьих, стремились найти съедобные отходы. К. Фритцше показывает бедственную ситуацию, в которой оказался: «Когда человек решается спускаться в мусорную яму в поисках целой головы рыбы, когда человек готов из такой головы извлечь последние съедобные волокна, когда человек охотится за отходами от механической чистки картофеля, тогда ниже ему падать уже некуда» [33, с. 41].

Обессиленные люди погибали от дизентерии и инфекционных заболеваний. В Бекетовском лагере существовали перебои с водой, распространились вши и клопы. Белье и одеяла, матрацы и простыни сначала выдавались только для больных в спецгоспиталях.

Местное население находилось в тяжелом положении и было не в состоянии серьезно помочь военнопленным. Их положение стало лучше, когда после проверки областного начальства НКВД поменялась администрация лагеря № 108. «Сознание офицерского и младшего состава войск МВД изменялось медленно. С одной стороны, лозунги “Убей немца, где бы он ни встретился”, а с другой – приказы о гуманном отношении с пленными фрицами. Трудно понять необходимость кормить фашистов, когда самим не хватает» [33, с. 45], – сожалел К. Фритцше.

Воспоминания содержат сведения о трудовой деятельности военнопленных с указаниями на объекты, которые были построены. Так, К. Гюнтер работал на строительстве инфраструктуры канала Волго-Дон в станице Цимлянкой. Гюнтер отмечал: «Там очень много русских, которые строили канал, переселили, и им нужны были квартиры или дома.

Мы их строили, и я из слесаря по машинам стал каменщиком. Мы построили дом культуры, городской совет, вокзал, все, что относилось к инфраструктуре канала Волга-Дон» [8].

Особую ценность представляет записанное нами интервью с уникальным свидетелем событий военных лет – Фаиной Петровной Малышевой (Жуковой) (1919 г. р.). Несмотря на преклонный возраст, она помнит начало войны, которое встретила в Литве на погранзаставе, где служил ее муж: «Отношение к СССР у местного населения было разным. Литовка, которая сообщила о начале войны, плакала. Когда ждали объявления по радио из Москвы, многие радостные литовцы собрались у репродуктора. После 22 июня 1941 г. семьи пограничников не эвакуировали. Мне с трудом удалось выехать из Литвы» [10].

Вернувшись в родной Урюпинск, Ф.П. Малышева устроилась работать в лагерь для военнопленных № 123, который был организован на базе воинской части. В школе она изучала немецкий язык и поэтому занималась приемом пленных. Согласно ее рассказу, после окружения немецко-фашистских войск приходилось дежурить сутками, переводить, вести документацию. Солдаты называли Фаину Петровну – «ходячая энциклопедия».

Часть поступавших военнопленных страдала дистрофией. В лагере им предоставили медицинскую помощь, кровати и белье в военном городке. Вторая партия из котла – «сыпняки» (больные сыпным тифом) – были помещены на 20 дней в карантин, но все равно многие из них умирали.

Военнопленные разных национальностей: немцы, поляки, румыны – располагались отдельно. В дальнейшем поляков направили на фронт для участия в освобождении Польши.

По словам Фаины Петровны питались пленные нормально: съедали порцию, а хлеб забирали с собой. Позже лагерю № 123 выделили землю, на которой сначала сотрудники лагеря, а потом пленные стали сажать огород.

Ф.П. Малышева подчеркивает, что отношение к военнопленным было хорошее. Все оперативники получали специальную инструкцию, как себя вести. С пленными без дела даже не разговаривали.

Военнопленные лагеря № 123 работали на сельскохозяйственных полях Нехаевского

района, в Петров Вале, восстанавливали промышленные объекты в Сталинграде. В частности, они строили центральную лабораторию и цех № 22 Химпрома, оборудование для которого было вывезено из Германии.

Отечественные историки установили вклад бывших солдат и офицеров противника в восстановление экономики страны [1; 29]. Воспоминания подтверждают значительную роль труда военнопленных в строительстве предприятий, инфраструктуры и жилья в Сталинграде.

Коренной сталинградец В.Н. Иванов указывает: «В строительстве домов участвовали и пленные немцы. Их каждый день под конвоем водили по Рабоче-Крестьянской улице на объекты строительства. В Ворошиловском районе они жили в землянках, обнесенных колючей проволокой, на Баррикадной улице и на деревянной барже, стоящей у берега Волги» [4, с. 77].

Особое место среди исторических источников занимают свидетельства детей и подростков. Жительница Бекетовки Н.В. Зверева отмечает: «Вскоре появились пленные немцы. Вид их был жалок, все, я думаю, помнят, как они выглядели, по кадрам кинохроники. Они спрашивали: “Вольга, где Вольга?”» Их разместили в наших бараках. Им давали хлебный паек, но их много умирало. Умирали от мороза и от того, что сильно ослабли. Ров, который вырыли у барачников, был полностью заполнен их трупами» [21, с. 45].

В.И. Щепалов в период войны трудился на сельскохозяйственных работах. Он передает свои ощущения от встречи зимой 1942–1943 гг. с пленными немцами, строившими в сильные морозы железную дорогу Сызрань – Саратов: «Каждое утро их привозили на работу, вечером отправляли обратно. Мы с удивлением и любопытством, с какой-то брезгливой неприязнью разглядывали бывших фашистских вояк, но при этом не испытывали к ним патологической ненависти, понимая, что они не по своей воле пришли топтать нашу землю. Видимо, догадываясь о наших мыслях и чувствах, немцы поворачивались в нашу сторону и весело кричали: “Гитлер капут!”» [18].

В записанных волгоградскими историками воспоминаниях зафиксированы чувства, которые вызывали пленные вражеские солдаты у местного населения, в том числе у детей.

З.Н. Овчинникова: «Ненависть, страшная ненависть, мы знали, что они наши убийцы. Хотя, когда нас спас немец, мы уже знали, что не все они такие. Когда военнопленных вели в наш Кировский район, у них были бараки со стороны Бекетовки. Кировчане, которые не видели особенно войны, бросали в них камнями и плевали, а я думала, зачем они это делают, ведь это простые солдаты, которые выполняли приказ» [2, с. 42].

А.П. Бульбулькина (Игольников): «Отношение к вражеским солдатам, какое к ним может быть отношение? Враги – они и есть враги! Немцев не видели мы. Румыны у нас были, много пленных румын. По Волге гнали. Мы бежали им вслед – интересно посмотреть было. Они все укутанные были. Одежда порванные на них были, в ботиночках, а мороз был -40. Мы бежали и кричали: “Фашисты, фашисты! Убийцы!”» [2, с. 326].

В.А. Гаврилова: «У Лесобазы был лагерь военнопленных. Его хорошо охраняли. Главным образом охраняли немцев от разъяренных жителей, которые постепенно возвращались в город. Чуть охрана зазевется – и их избивали в кровь палками, камнями» [2, с. 211].

Ненависть к бывшим врагам иногда поддерживалась взрослыми. Так, жительница г. Серафимович Волгоградской области Н.С. Кравцова вспоминает, что ее старшего брата, тринадцатилетнего подростка, солдаты приучали за сахар расстреливать пленных румын или итальянцев [20, с. 27].

Однако преобладало гуманное отношение к военнопленным. Дети и подростки видели в них людей, попавших в беду. В.И. Фоменко отмечает: «Когда военнопленные строили шоссе, мы с одноклассниками спускались к дороге и кормили их хлебом. Немцы брали хлеб и воду с такой жадностью, что нам хотелось их кормить и кормить, но у самих такой возможности не было» [16].

Многие дети меняли у военнопленных продукты питания на произведения их ручного труда, в основном на самодельные игрушки [27, с. 249–251]. Отношение к военнопленным приобретало двойственный характер: ненависть, с одной стороны, и жалость – с другой.

Проведенный анализ показал, что за время нахождения пленных в Сталинграде и об-

ласти отношение к ним местного населения значительно смягчилось. На первый план во взаимоотношениях выходили общечеловеческие качества: сочувствие, сострадание, желание помочь.

Авторам настоящего исследования удалось получить доступ к засекреченным ранее документам Архива УФСБ России по Волгоградской области, которые показывают отношение к военнопленным со стороны администрации и сотрудников лагерей. Высокая смертность среди лагерного контингента вызывала беспокойство руководства и проверки на местах. Детали проверок свидетельствуют, насколько внимательно власти старались относиться к проблемам функционирования лагерей. Так, на участке № 1 Бекетовского лагеря № 108 были выявлены следующие недостатки: снабжение ниже нормы военнопленных с дистрофией, плохое состояние постелей и полотенец, неудовлетворительное содержание и неблагоустроенность помещений, а именно: сырость и отсутствие вентиляции, ежедневной уборки, плевательниц, решетки для очистки обуви при входе. В момент проверки при раздаче пищи военнопленным в столовой участка было обнаружено 4 кг спрятанного вареного мяса, хлеб также выдавался не полностью. Из проверенных 40 пачек в 37 недоставало по 5 г, даже простыни военнопленных оказались короче – вместо положенных 1,9 м только 1,85 м [24].

В ходе другой проверки в Урюпинском лагере № 123 было зафиксировано несоблюдение карантина при борьбе с распространением инфекционного заболевания [25]. Нарушения, по мнению вышестоящих органов, носили грубый характер и требовали серьезных решений вплоть до смены лагерного начальства. Тщательные проверки и принятие оперативных мер показывают рост внимания руководства и сотрудников лагерей к проблеме выживания бывших солдат и офицеров противника.

В зависимости от отношения к военнопленным советской стороны их пребывание в плену можно разделить на два основных периода. Первое время плена, до попадания в лагерь, было самым рискованным: пленного могли расстрелять, он мог погибнуть от холода, голода, нехватки воды при конвоировании и эвакуации. Пребывание в лагере повышало шан-

сы на сохранение жизни, по мере возможности пленным оказывалась медицинская помощь, начинали действовать механизмы выживания.

Советские органы власти не знали о точном количестве окруженных войск и о потенциальном числе пленных, поэтому лагеря не были готовы принять столь большое количество людей. Истощение, холод, болезни, недостаточное питание вызывали их высокую смертность.

В Бекетовском лагере № 108 из-за сильных разрушений администрация не могла обеспечить лучших условий для содержания военнопленных. Отношение к ним со стороны сотрудников лагерей становилось более рациональным по мере получения необходимых ресурсов для их содержания и понимания возможностей трудового использования бывших военнослужащих противника. Тем не менее лишь незначительная часть военнопленных увидела родину.

Сегодня в Волгограде действует музей Волго-Донского канала, строившегося с участием военнопленных. Сотрудники музея скрупулезно собрали сведения о судьбах многих солдат и офицеров вермахта, попавших в плен. Такая работа открывает перспективы для сохранения исторической памяти народов разных стран и формирования атмосферы доверия и сотрудничества в сложных условиях современного мира.

Надо подчеркнуть, что события Великой Отечественной войны представляют собой фокус исторического нарратива современного российского общества. Великая Победа и в то же время великая трагедия – это тот опыт, отношение к которому объединяет большинство россиян, делая их единым народом. Именно поэтому война остается важнейшей частью актуального «диалога поколений», в котором вопросы формулируют актуальные задачи общества, а ответы общество ищет в прошлом. Свидетели, пережившие войну, как с одной, так и с другой стороны крайне важны для понимания и осмысления событий большой трагедии XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военнопленные в Сталинграде, 1943–1954: док. и материалы / под ред. М. М. Загорюлько. – Волгоград: Издатель, 2003. – 1160 с.

2. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М. А. Рыбловой. – Волгоград: Изд-во РАНХиГС, 2014. – 512 с.

3. Епифанов, А. Е. Сталинградский плен. 1942–1956 годы (Немецкие военнопленные в СССР). / А. Е. Епифанов. – М.: Мемор. музей нем. антифашистов, 1999. – 324 с.

4. Иванов, В. Н. Мое сталинградское детство: воспоминания / В. Н. Иванов. – Волгоград: Издатель, 2010. – 85 с.

5. Интервью с Афанасьевым В. Ф. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/afanasev-viktor-fedorovich/> (дата обращения: 02.10.2016). – Загл. с экрана.

6. Интервью с Бурцевым В.М. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/burtsev-vasiliy-mikhailovich/> (дата обращения: 02.10.2016). – Загл. с экрана.

7. Интервью с Бухардом Э. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://frontstory.ru/memoirs/germany/burkhard-erich/?sphrase_id=1431 (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

8. Интервью с Гюнтером К. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://frontstory.ru/memoirs/germany/kuhne-gunter/?sphrase_id=1430 (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

9. Интервью с Евсигнеевой Е.Г. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/evsigneeva-devyatina-ekaterina-georgievna/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

10. Интервью с Малышевой (Жуковой) Ф.П. (18.12.2015) / интервьюер В. Г. Поляков // Архив кафедры ЭСГХ ВолгГТУ.

11. Интервью с Окишевым Е.Ф. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/minometchiki/okishev-evgeniy-fedorovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

12. Интервью с Пимкиным И.Ф. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/pimkin-ivan-fedorovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

13. Интервью с Ройтенбурдом Л.Н. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotts/roytenburdlazar-naumovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

14. Интервью с Серебряковым М.П. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

<http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/serebryakov-mikhail-pavlovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

15. Интервью с Третьяковым П. П. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/tretyakov-ravel-petrovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

16. Интервью с Фоменко В.И. (15.11.2013) / интервьюер Е. П. Воробьев // Архив кафедры ЭСГХ ВолГТУ.

17. Интервью с Чернухой И.Д. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/chernukha-ivan-danilovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

18. Интервью с Щепаловым В.И. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/grazhdanskiy/schepalov-vasiliy-ivanovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

19. Интервью с Ямпольским И.М. // Я помню. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/tankisti/yampolskiy-iosif-mironovich/> (дата обращения: 03.10.2016). – Загл. с экрана.

20. Кравцова, Н. С. О моей родне и обо мне / Н. С. Кравцова. – Серафимович : ГУП ВОППМ, 2003. – 63 с.

21. Мы родом из войны: дети военного Сталинграда вспоминают. – Волгоград : Издатель, 2004. – 144 с.

22. Оболенская, С. В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования истории повседневности / С. В. Оболенская // Одиссей. Человек в истории. – 1996. – С. 128–147.

23. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 384 с.

24. Приказ начальника управления народного комиссариата внутренних дел СССР по Сталинградской области № 10 от 27 января 1944 г. // Архив УФСБ России по Волгоградской области. – Ф. 1. – Д. 135. – Л. 16.

25. Приказ начальника управления народного комиссариата внутренних дел СССР по Сталинградской области № 57 от 1 июля 1944 г. // Архив УФСБ России по Волгоградской области. – Ф. 1. – Д. 135. – Л. 69.

26. Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX в. – 1996. – С. 110–127.

27. Рыблова, М. А. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики

выживания детей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова. – Волгоград : Изд-во РАНХиГС, 2015. – 336 с.

28. Рюле, О. Жертвы Сталинграда. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М. : Вече, 2010. – 384 с.

29. Сидоров, С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. / С. Г. Сидоров. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. – 508 с.

30. Соколов, А. Б. Введение в современную западную историографию / А. Б. Соколов. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2002. – 132 с.

31. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : энциклопедия / под ред. М. М. Загоруйко. – Волгоград : Издатель, 2007. – 511 с.

32. У всякого народа есть Родина, но только у нас – РОССИЯ. Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизационный феномен российской государственности : исслед. и док. – М. : Прометей, 2012. – 528 с.

33. Фритцше, К. Цель – выжить. Шесть лет за колючей проволокой / К. Фритцше. – Саратов : Юникс, 2001. – 241 с.

34. Цунаева, Е. М. Трудовое использование военнопленных в Сталинграде и области в 1943 г. / Е. М. Цунаева. // Стрелец : науч. ежегодник. – Волгоград : Издатель, 2004. – С. 257–267.

REFERENCES

1. Zagorulko M.M., ed. *Voennoplennyye v Stalingrade. 1943–1954: dok. i materialy* [Prisoners of War in Stalingrad. 1943–1954: Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2003. 1160 p.

2. Ryblova M.A., ed. *Deti i voyna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda* [Children and War: The Battle of Stalingrad and Life in Military Stalingrad in Memoirs of Citizens]. Volgograd, Izd-vo RANKhiGS, 2014. 512 p.

3. Epifanov A.E. *Stalingradskiy plen. 1942–1956 gody (Nemetskie voennoplennyye v SSSR)* [Stalingrad Captivity. 1942–1956 (German Prisoners of War in the USSR)]. Moscow, Memorial Museum of the German Anti-Fascists, 1999. 324 p.

4. Ivanov V.N. *Moe stalingradskoe detstvo: vospominaniya* [My Childhood in Stalingrad: Memories]. Volgograd, Izdatel Publ., 2010. 85 p.

5. Interview with V.F. Afanasyev. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/afanasev-viktor-fedorovich/> (accessed November 2, 2016).

6. Interview with V.M. Burtsev. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/voditeli/burtsev-vasiliy-mikhaylovich/> (accessed November 2, 2016).

7. Interview with E. Bukhard. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: http://frontstory.ru/memoirs/germany/burkhard-erich/?sphrase_id=1431 (accessed November 3, 2016).

8. Interview with K. Gyunter. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: http://frontstory.ru/memoirs/germany/kuhne-gunter/?sphrase_id=1430 (accessed November 3, 2016).

9. Interview with E.G. Evstigneeva. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/evstigneeva-devyatina-ekaterina-georgievna/> (accessed November 3, 2016).

10. Interview with F.P. Malysheva (Zhukova). Recorded by V.G. Polyakov (December 18, 2015).

11. Interview with E.F. Okishev. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/minometchiki/okishev-evgeniy-fedorovich/> (accessed November 3, 2016).

12. Interview with I.F. Pimkin. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/pimkin-ivan-fedorovich/> (accessed November 3, 2016).

13. Interview with L.N. Roitenburd. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotsi/roitenburd-lazar-naumovich/> (accessed November 3, 2016).

14. Interview with M.P. Serebryakov. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/serebryakov-mikhail-pavlovich/> (accessed November 3, 2016).

15. Interview with P.P. Tretyakov. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/tretyakov-pavel-petrovich/> (accessed November 3, 2016).

16. Interview with V.I. Fomenko. Recorded by E.P. Vorobyev (November 15, 2013).

17. Interview with I.D. Chernukha. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/artilleristi/chernukha-ivan-danilovich/> (accessed November 3, 2016).

18. Interview with V.I. Shchepalov. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/schepalov-vasiliy-ivanovich/> (accessed November 3, 2016).

19. Interview with I.M. Yampolsky. *Ya pomnyu* [I Remember]. URL: <http://iremember.ru/memoirs/tankisti/yampolskiy-iosif-mironovich/> (accessed November 3, 2016).

20. Kravtsova N.S. *O moey rodne i obo mne* [About My Family and About Me]. Serafimovich, GUP VOPPM Publ., 2003. 63 p.

21. *My rodnom iz voyny: deti voennogo Stalingrada vspominayut* [We Come From War: Memories of the Children of Wartime Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2004. 144 p.

22. Obolenskaya S.V. Nekto Yozef Shefer, soldat gitlerovskogo vermakhta. Individualnaya biografiya

kak opyt issledovaniya istorii povsednevnosti [Joseph Schaefer, Soldier of Hitler's Wehrmacht. Individual Biography as the Experience of Researching the History of Everyday Life]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in History], 1996, pp. 128-147.

23. *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.* [The Everyday World of the Soviet Man in the 1920s–1940s]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2009. 384 p.

24. Prikaz nachalnika upravleniya narodnogo komissariata vnutrennikh del SSSR po Stalingradskoy oblasti № 10 ot 27 yanvarya 1944 g. [Order of the Head of Department of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in the Stalingrad Region no. 10 of January 27, 1944]. *Arkhiv UFSB Rossii po Volgogradskoy oblasti* [Archive of the Department of the Federal Security Service of Russia in the Volgograd Region], F. 1, D. 135, L. 16.

25. Prikaz nachalnika upravleniya narodnogo komissariata vnutrennikh del SSSR po Stalingradskoy oblasti № 57 ot 1 iyulya 1944 g. [Order of the Head of Department of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR in the Stalingrad region no. 57 of July 1, 1944]. *Arkhiv UFSB Rossii po Volgogradskoy oblasti* [Archive of the Department of the Federal Security Service of Russia in Volgograd region], F. 1, D. 135, L. 69.

26. Revel Zh. Mikroistoricheskiy analiz i konstruirovaniye sotsialnogo [Micro-Historical Analysis and Construction of the Social]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in History], 1996, pp. 110-127.

27. Ryblova M.A. *Detstvo i voyna: kultura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Stalingradskoy bitvy)* [Childhood and War: the Culture of Everyday Life, Adaptation Mechanisms and Child Survival During the Great Patriotic War (on the Materials of Stalingrad Battle)]. Volgograd, Izd-vo RANKhiGS, 2014. 336 p.

28. Ryule O. *Zherty Stalingrada. Istselenie v Elabuge* [Victims of Stalingrad. Healing in Elabuga]. Moscow, Veche Publ., 2010. 384 p.

29. Sidorov S.G. *Trud voennoplennykh v SSSR, 1939–1956 gg.* [Labour of War Prisoners in the USSR, 1939–1956]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001. 508 p.

30. Sokolov A.B. *Vvedenie v sovremennuyu zapadnyuyu istoriografiyu* [Introduction to Modern Western Historiography]. Yaroslavl, Izd-vo YaGPU, 2002. 132 p.

31. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya bitva. Iyul 1942 – fevral 1943: entsiklopediya* [The Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943: Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2007. 511 p.

32. *U vsyakogo naroda est Rodina, no tolko u nas – ROSSIYA. Problema edineniya narodov Rossii*

v ekstremalnye periody istorii kak tsivilizatsionnyy fenomen rossiyskoy gosudarstvennosti: issled. i dok. [All People Have a Motherland, and Only We Have RUSSIA. The Problem of Unity of the Russian Peoples in the Extreme Periods of the History as a Civilization Phenomenon of Russian Statehood. Research and Reports]. Moscow, Prometey Publ., 2012. 528 p.

33. Fritsche K. *Tsel – vyzhit. Shest let za kolyuchey provolokoy* [The Goal is to Survive. Six Years Behind the Barbed Wire]. Saratov, Yuniks Publ., 2001. 241 p.

34. Tsunaeva E.M. *Trudovoe ispolzovanie voennoplennykh v Stalingrade i oblasti v 1943 g.* [The Use of War Prisoners Labour in Stalingrad and in the Stalingrad Region in 1943]. *Strezhen: nauch. ezhegodnik*, 2004, no. 4, pp. 257-267.

Information about the Authors

Vladimir G. Polyakov, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Construction and Housing and Communal Services, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, polana58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9464-0994>

Marina P. Nazarova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Architecture and Urban Development, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, nmp.34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4602-9154>

Evgeniy P. Vorobyev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Economic Theory, History and Law, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, vorobyev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3022-7519>

Информация об авторах

Владимир Геннадьевич Поляков, доктор экономических наук, профессор, декан факультета строительства и жилищно-коммунального хозяйства, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, polana58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9464-0994>

Марина Петровна Назарова, доктор философских наук, профессор, декан факультета архитектуры и градостроительного развития, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nmp.34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4602-9154>

Евгений Петрович Воробьев, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории, истории и права, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, vorobyev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3022-7519>